

ПОЛИТИКА НИКОЛАЯ I В 1830 – 1835 гг. В ВОСПРИЯТИИ П.Я. ЧААДАЕВА

В.Ю. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

Институт российской истории РАН

В статье рассматриваются социально-политические воззрения П.Я. Чаадаева в контексте осмысления истории России в царствование Николая I. Особое внимание уделено сюжетам «оппозиционизма» Чаадаева в вопросах роли и места России в мировой истории, особенно на европейском континенте.

Ключевые слова: П.Я. Чаадаев, Николай I, Россия и Европа, Россия и Польша.

Труды о П.Я. Чаадаеве начали создаваться еще при его жизни, и сейчас чаадаевская историография насчитывает сотни отечественных и зарубежных работ¹. С самого начала и до последнего времени авторов привлекала его оппозиционность, и не без оснований его знакомый А.И. Дельвиг утверждал, что «Чаадаев, гонимый правительством, постоянно был его оппонентом и любил это высказывать»². Яркие обвинения, адресованные им в «Философических письмах» современному русскому обществу, сама история его жизни: неожиданная отставка в 1821 г., когда ему прочили должность флигель-адъютанта Александра I, официальное обвинение сумасшедшим за публикацию первого «Философического письма» в 1836 г., – все это позволяет говорить о Чаадаеве-оппозиционере, чем он и бравировал.

Однако отношение П.Я. Чаадаева к политике Николая I в тот период, когда «Философические письма» уже были написаны, а сами «гонения» правительства еще не начались, освещалось в литературе довольно фрагментарно. Не опровергая мнение об оппозиционности П.Я. Чаадаева, которое уже более 150 лет преобладает в литературе, обратимся к некоторым сюжетам его переписки, а также к его заметкам 1830 – 1835 гг. Они содержат сведения, которые могут прояснить характер этой оппозиционности.

Задача данной статьи – показать, как взгляды Чаадаева на судьбы России соотносились с теми или иными действиями правительства. Выбор временных рамок исследования объясняется особой значимостью этого периода, как в жизни самого Чаадаева, так и в истории русской общественной мысли. В начале 1830-х гг. П.Я. Чаадаев и многие его современники отчасти пересмотрели свои мировоззренческие установки, сложившиеся в эпоху западничества и либерализма Александровского царствования. Это было связано, прежде всего, вначале с ожиданиями, а после – с результатами русско-турецкой войны 1828 – 1829 гг. Она вызвала в стране патриотический подъем. Война воспринималась как «народная», в которой Россия выступала как «оплот истинного православия»³. Годом позже французская и бельгийская революции также всколыхнули российское образованное общество. Особое влияние оказала на настроения русской публики июльская революция во Франции, которая началась с нарушения легитимным монархом – Карлом X – конституции («хартии») и закончилась воцарением на престоле «нелегитимного» короля-гражданина Луи-Филиппа. Многие сочувственно отнеслись к революции⁴. Однако для других она стала настоящей катастрофой. Так, П.Я. Чаадаев назвал события во Франции «вулканическим извержением всей накопленной Францией грязи», которое «отодвинуло мир на полстолетия назад, спутало окончательно все социальные идеи»⁵, и многие были согласны с ним.

Несколькими месяцами позже Россия была готова направить свои войска для подавления революции в Бельгии, однако международная ситуация помешала этому. В ноябре 1830 г. началось восстание в Польше, которое на целый год отвлекло российское правительство от событий в Европе. Европейская общественность открыто осудила подавление польского восстания. Во французском и английском парламентах произноси-

¹ Библиографию см.: Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т. 2. – М., 1991. – С. 647 – 660; П.Я. Чаадаев: pro et contra. – СПб., 1998. – С. 822 – 832.

² Дельвиг А.И. Полвека русской жизни. Воспоминания А.И. Дельвига. 1820 – 1870. В 2 тт. – М.-Л., 1930. – С. 220.

³ См. Мазур Н.Н. Из истории формирования русской национальной идеологии (первая треть XIX в.) // «Цепь непрерывного предания...». Сборник памяти А.Г. Тартаковского. – М., 2004. – С. 222.

⁴ См. Никитенко А.В. Дневник. В 3-х тт. Т. 1. – М., 1955. – С. 77; Намазова А.С. Бельгийская революция 1830 года. – М., 1979. – С. 12.

⁵ Чаадаев П.Я. Полное собрание сочинений и избранные письма. В 2-х тт. Т. 2. – М., 1991. – С. 95.

лись речи, осуждавшие действия Николая I⁶. Во Франции для помощи польскому восстанию и эмигрантам был создан Франко-Польский комитет во главе с генералом Лафайетом, французская общественность требовала вооруженного вмешательства в русско-польский конфликт⁷. Отношения России с Францией и Англией были крайне натянутыми. Однако внутри страны подавление польского восстания вызвало даже больше симпатий, нежели события во Франции в июле 1830 г. П.А. Вяземский писал: «Я уверен, что все это происшествие – вспышка нескольких головорезов, которую можно и должно было унять тот же час, как то было 14 декабря»⁸.

П.Я. Чаадаев в письмах и заметках постоянно обращался к событиям, происходившим на международной арене, а также к отношениям России и Европы. Польское восстание и отношение к нему на Западе всколыхнуло патриотические чувства в России. Прочитав стихи А.С. Пушкина «Клеветникам России», Чаадаев в восторге писал ему: «Вот, наконец, Вы – национальный поэт; Вы угадали, наконец, свое призвание»⁹.

Характерно, что именно в начале 1830-х гг. начала оформляться идеология николаевского царствования. На рубеже 1832-1833 гг. С.С. Уваров, занимавший в то время пост товарища министра народного просвещения, впервые предложил новую формулу отечественного образования, в которой бы «твердые и глубокие знания» слились с «глубоким убеждением и теплою верою в истинно русские хранительные начала православия, самодержавия и народности, составляющие последний якорь нашего спасения и вернейший залог сил и величия нашего отечества»¹⁰.

Очередной общественный диссонанс в Европе был вызван речью Николая I перед польской делегацией в Варшаве 4 / 16 октября 1835 г. Император, не питавший иллюзий насчет националистических устремлений поляков, предупреждал: «Если вы будете упрямо лелеять мечту отдельной национальности, независимой Польши и все эти химеры, вы только накликаете на себя большие несчастья. По повелению моему воздвигнута здесь цитадель, и я вам объявляю, что при малейшем возмущении я прикажу разгромить ваш город, я разрушу Варшаву и уже, конечно, не отстрою ее снова». Обвинив Европу в пособничестве польским «химерам» («я знаю, что ведется переписка с чужими краями, что сюда присылают предосудительные сочинения и что стараются развращать умы»), Николай I заявил: «Среди всех смут, волнующих Европу, и среди всех учений, потрясающих общественное здание, Россия одна остается могущественною и неприкосновенною»¹¹.

Текст этой речи, почерпнутый из неофициальных источников, был опубликован в европейской прессе. Более всего слова Николая I оскорбили французскую публику, где речь была напечатана 11 ноября 1835 г. в газете «Journal des Débats». Во Франции императора критиковали не только на страницах либеральных газет (в частности, газета «Bon Sens» именовала Николая I «коронованным кретином»¹²) – критические статьи были помещены в официозном органе «Journal des Débats». Один из редакторов газеты, известный публицист Франсуа Сен-Марк Жирарден, писал: «Это древняя Москва, пробивающаяся сквозь оболочку учтивости и цивилизации, в которую она кое-как закуталась. Это допетровское варварство»¹³. Жирарден опровергал претензии императора на роль единственного хранителя европейского порядка: «Деспотизм издавна выдает себя за единственного защитника общества. Без него, уверяют нас деспоты, народам не суждены ни безмятежность, ни покой»¹⁴.

⁶ Owsinska A. La politique de gouvernement français vis a vis des Polonais et de la question polonaise durant les années 1832-1835 // Pologne. L'insurrection de 1830-1831. Sa réception en Europe. – Lille, 1982. – P. 116; Davies N. L'echo anglais de l'insurrection polonaise de novembre. // Pologne... – P. 228.

⁷ Owsinska A. Op. cit. – P. 116.

⁸ Вяземский П.А. Старая записная книжка // Вяземский П.А. Полное собрание сочинений. Т. IX. 1813 – 1852 гг. – СПб., 1884. – С. 150.

⁹ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 2. – С. 73.

¹⁰ Цит. по: Цимбаев Н.И. «Под бременем познания и сомненья...» (Идейные искания 1830-х годов) // Русское общество 30-х годов XIX в. Люди и идеи. – М., 1989. – С. 28.

¹¹ Император Николай Павлович в Варшаве в 1835 г. // Русская старина. – 1873 г. – Т. 7. – № 5. – С. 679.

¹² Мильчина В.А. «Русский мираж» французских легитимистов // Мильчина В.А. Россия и Франция. Дипломаты. Литераторы. Шпионы. – СПб., 2006. – С. 359.

¹³ Цит. по: Император Николай Павлович... – С. 681.

¹⁴ Цит. по: Мильчина В.А. Указ. соч. – С. 360.

В ответ Николай I распорядился напечатать текст, опубликованный в «Journal des Débats», с комментариями французской редакции в петербургской французской газете «Journal de Saint-Pétersburg» (статья появилась в газете 24 ноября / 3 декабря 1835 г.) Русская редакция между прочим указывала, что во французской публикации были опущены следующие слова императора: «Я давно простил оскорбления, которые были направлены против меня и моего семейства. Единственное мое желание – воздать добром за зло, сделать вас счастливыми, хотя бы вопреки вам самим. Я дал в этом клятву Богу и я не нарушаю своих клятв!»¹⁵

П.Я. Чаадаев, как и вся русская публика, познакомился с речью императора не только по публикации в «Journal de St.-Pétersburg». По свидетельству цензора А.В. Никитенко, Николай I велел пропустить английские и французские газеты и журналы, «разбранившие» его варшавскую речь. Никитенко указывал, что эти публикации вызвали в столице много толков, однако вскоре были изъяты полицией¹⁶.

Анализируя взгляды П.Я. Чаадаева на основные события той эпохи, возможно определить и его отношение к политике Николая I в целом.

Свою позицию по отношению к польскому восстанию Чаадаев, поддержавший антиевропейскую патетику стихотворения Пушкина «Клеветникам России», выразил в статье «Несколько слов о Польском вопросе» (1831–1832 гг.) Он указывал на несостоятельность притязаний поляков, которые стремились создать независимую Польшу в прежних границах, с включением в её состав западнорусских губерний и тех областей, которые уже отошли к немецкой конфедерации. По его убеждению, поляки могли претендовать лишь на территорию, на которой проживало 6 – 7 миллионов человек. А такое государство, в котором «оказались бы вкрапленными в большом количестве немцы и евреи», могло быть вновь легко завоевано, считал Чаадаев. При этом, по его мнению, преимущества Российского владычества для многих просвещенных поляков были очевидны, ведь «благополучие народов может найти свое полное выражение лишь в составе больших политических тел». Российскую империю Чаадаев называл единственным среди всех славянских народов объединением славянских племен, которое вело независимое существование и на самом деле представляло славянское начало во всей его неприкосновенности. И «в соединении с этим большим целым поляки не только не отрекутся от своей национальности, но таким образом еще больше укрепят её».¹⁷ Таким образом, в одном из основных конфликтов эпохи, который надолго определил отношения России и Европы и во многом способствовал усилению «руссофобских» настроений, Чаадаев занял сторону правительства Николая I.

Отношение П.Я. Чаадаева к французской революции 1830 г. было резко отрицательным – в этом он также был вполне солидарен с Николаем I. Июльская революция разрушила старое европейское общество, с которым Чаадаев еще в «Философических письмах» связывал надежды, проистекавшие из его концепции христианского универсализма. В письме к Пушкину в 1831 г. он писал: «Еще недавно, с год тому назад, мир жил в полном спокойствии за своё настоящее и будущее и в молчании проверял своё прошлое, поучаясь на нём. <...> Все интересы людей сводились мало-помалу к единственному интересу прогресса вселенского разума. <...> В этом счастливом покое мира, в этом будущем я находил мой покой, моё будущее»¹⁸. Но неожиданно «глупость одного человека» – Карла X, стремившегося к абсолютному правлению и нарушившего «хартию» – разрушила его ожидания. Чаадаев писал: «У меня навертываются слёзы на глазах, когда я вижу это необъятное злополучие старого, моего старого общества; это всеобщее бедствие, столь непредвиденно постигшее мою Европу, удвоило моё собственное бедствие»¹⁹.

Приход к власти во Франции «золотой середины»²⁰ с ее ориентацией на материальные ценности действительно был «бедствием» для Чаадаева, который еще в первом «Философическом письме» указывал, что Европейская цивилизация как проводник истинных, христианских ценностей способна «осуществить тот порядок вещей <...>, который составляет конечное

¹⁵ Император Николай Павлович... – С. 678.

¹⁶ Никитенко А.В. Указ. соч. Т. 1. – С. 176.

¹⁷ Чаадаев П.Я. Указ. соч. – С. 515.

¹⁸ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 2. – С. 70.

¹⁹ Там же. – С. 71.

²⁰ «Золотой серединой» называли доктринеров – правящую партию при Июльской монархии, представляющую интересы финансовой аристократии. Доктринеры пытались избежать крайностей, как республиканской, так и монархической.

назначение человеческого рода»²¹. О принципах, на которых зиждется идеология «золотой середины», французский журналист Шарль Дюран писал: «Легитимисты-карлисты суть адвокаты без клиентов, якобинцы, напротив, – люди, любимые толпой и потому могущественные. У первых есть истинные принципы и ни единого человека, способного их поддержать, у вторых – одаренные люди, но зато никаких принципов. Между этими двумя партиями, равно неспособными творить добро, помещается «золотая середина», открывшая настоящий принцип нашего века, а именно – любовь к деньгам»²².

Будто в ответ на слова Дюрана П.Я. Чаадаев утверждал: «Общество заставляют двигаться вперед не те, кто колеблется между истиной и ложью, эти плясуны на канате, а люди принципиальные. Логика золотой середины может поэтому, в лучшем случае, продлить на некоторое время существование общества, но она никогда не сделает шаг вперед»²³.

Показательно, что Луи-Филипп, коронованный революцией, не был, по мнению П.Я. Чаадаева, легитимным монархом. В письме к А.И. Тургеневу в 1835 г. Чаадаев, сравнивая Г. Гейне с Дж. Фиески, организовавшим покушение на Луи-Филиппа, писал: «Смею думать, что этот новый Фиески немногим лучше старого; но во всяком случае его книга есть покушение, во всем подобное бульварному, с тою только разницею, что короли Гейне законнее короля Фиески»²⁴. В этой оценке он был вполне солидарен с Николаем I, по мнению которого Луи-Филипп нарушил законный порядок престолонаследия²⁵. При этом Николай I, как и Чаадаев, отнесся отрицательно не только к восшествию на престол «нелегитимного» монарха Луи-Филиппа, но и к перевороту, устроенному Карлом X, стремившимся увеличить прерогативы королевской власти за счет «хартии»²⁶.

Противостояние русской национальной самодержавной идеологии и европейского свободолобия, обвинения в адрес России, не сходявшие со страниц европейских газет, крушение старой Европы – носительницы христианских идеалов – и утверждение на ее месте господства материальных ценностей, – все это привело многих россиян к изменению взглядов на судьбы своей страны, и П.Я. Чаадаев не стал исключением.

В апреле 1833 г. в письме к А.И. Тургеневу он писал: «Как и все народы, мы, русские, подвигаемся теперь вперед бегом, на свой лад, если хотите, но мчимся несомненно. Пройдет немного времени, и я уверен, великие идеи, раз настигнув нас, найдут у нас более удобную почву для своего осуществления и воплощения в людях, чем где-либо, потому что не встретят у нас ни закоренелых предрассудков, ни старых привычек, ни упорной рутины, которые противостояли бы им»²⁷. Через два года, в мае 1835 г., Чаадаев писал Тургеневу: «Вы знаете, что я держусь того мнения, что Россия призвана к необъятному умственному делу: её задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе»²⁸.

Осознав по-новому миссию России, Чаадаев иначе взглянул на развитие внутренних сил страны, в том числе на развитие российского образования. Несомненно, он продолжал настаивать на том, что России следует «приобрести серьезное и основательное классическое образование»²⁹, позаимствованное у старой (но не у современной ему) Европы. Однако для

²¹ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 333.

²² Цит. по: Мильчина В.А. Шарль Дюран – французский журналист в немецком городе на службе у России: материалы к биографии // Мильчина В.А. Указ. соч. – С. 204.

²³ Чаадаев П.Я. Указ. соч. – С. 432. (Отрывки и разные мысли).

²⁴ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 2. – С. 94.

²⁵ Николай I, считавший, что права на французский престол принадлежали малолетнему внуку Карла X, герцогу Бордосскому, отказывался именовать Луи-Филиппа «любезнейшим братом», как того требовала традиция отношений между монархами. См.: Мильчина В.А. Дипломатический корпус в Петербурге // Мильчина В.А. Указ. соч. – С. 149.

²⁶ В августе 1830 г. Николай I говорил французскому поверенному в делах барону де Баргуэну: «Если бы в ходе беспорядков, творящихся ныне в Париже, смутьяны разграбили бы архивы моего посольства, они были бы немало удивлены, увидев, что самодержец российский неустанно поручал своему представителю напоминать французскому королю о необходимости хранить верность тем установлениям, каким он присягал». (Цит. по: Мильчина В.А. Николай I и французская внутренняя политика // Мильчина В.А. Указ. соч. – С. 34).

²⁷ Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 2. – С. 79. Под «великими идеями» Чаадаев подразумевает слияние философии с религией, распространение религиозной мысли в мире.

²⁸ Там же. – С. 92.

²⁹ Там же. Т. 1. – С. 517 – 518. (Записка к А.Х. Бенкендорфу от имени И.В. Киреевского по поводу запрещения журнала «Европеец», 1832 г.)

него было очевидно, что России для выполнения ее миссии следует развиваться самостоятельно. В письме к А.И. Тургеневу осенью 1835 г. он писал: «Возьмите любую эпоху в истории западных народов, сравните её с тем, что представляем мы в 1835 году по Р. Х., и Вы увидите, что у нас другое начало цивилизации, чем у этих народов»³⁰.

В 1833 г., желая устроиться на государственную службу, Чаадаев писал Николаю I: «Я много размышлял над положением образования в России и думаю, Государь, что, заняв должность по народному просвещению, я мог бы действовать соответственно предначертаниям Вашего правительства. Я думаю, что в этой области можно много сделать, и именно в том духе, в котором, как мне представляется, направлена мысль Вашего Величества. Я полагаю, что на учебное дело в России может быть установлен совершенно особый взгляд, что возможно дать ему национальную основу, в корне расходящуюся с той, на которой оно зиждется в остальной Европе, ибо Россия развивалась во всех отношениях иначе, и ей выпало на долю особое предназначение в этом мире»³¹.

В вопросе об устройстве российского образования П.Я. Чаадаева нельзя назвать резким оппозиционером политике Николая I. Если А.Х. Бенкендорф и счел его таковым и не передал записку Николаю I, то лишь потому, что Чаадаев посмел выразить свой взгляд, тогда как ему следовало подчиниться планам, предписанным правительством³². Однако сам Чаадаев в 1833 г. считал, что его взгляды не противоречат общей политике правительства в сфере образования.

Любопытно отношение Чаадаева к одному из самых ярких событий той эпохи – варшавской речи Николая I. В письме к А.И. Тургеневу осенью 1835 г. Чаадаев указывал, что Россия призвана стать «умственным средоточием Европы», и тут же продолжал: «Могучий голос, на этих днях раздавшийся в мире, в особенности послужит к ускорению исполнения судеб наших. Пришедшая в остолбенение и ужас Европа с гневом оттолкнула нас; роковая страница нашей истории, написанная рукой Петра Великого, разорвана; мы, слава Богу, больше не принадлежим к Европе: итак, с этого дня наша вселенская миссия началась. Поэтому обратите внимание, что никогда еще ни одно действие правительства не было встречено более единодушными симпатиями нации, никогда не видано было более совершенного согласия между чувствами государя и чувствами народов! Ибо в данном случае само Провидение говорило устами монарха: вот почему все инстинкты нации преклонились перед этим глаголом свыше. Но, впрочем, будет философствовать; поговорим немного о себе...»³³. Этот отзыв нельзя воспринимать буквально – Чаадаев явно иронизирует. Очевидно, что он осуждал речь Николая I, оттолкнувшую Россию от Европы, которая, несмотря на события последних пяти лет, оставалась в представлении Чаадаева «колыбелью» христианской цивилизации; именно у старой Европы он предлагал заимствовать образование, именно «умственным средоточием» Европы он предрекал стать России.

В том же письме к Тургеневу Чаадаев, опровергая «обвинение в оппозиции», утверждал: «И почему бы я не имел права сказать и того, что Россия слишком могущественна, чтобы проводить национальную политику; что ее дело в мире есть политика рода человеческого; что император Александр прекрасно понял это, и что это составляет лучшую славу его; что Провидение создало нас слишком великими, чтобы быть эгоистами; что оно поставило нас вне интересов национальностей и поручило нам интересы человечества»³⁴. Император Александр I осознал назначение России в общем движении человечества, создав Священный союз³⁵, однако Николай I вместо того, чтобы способствовать единению народов, предпочел изоляцию.

³⁰ Там же. Т. 2. – С. 98.

³¹ Там же. – С. 83. Едва ли можно сомневаться в искренности этих слов П.Я. Чаадаева. Его принципиальность, честолюбие, в которых многие видят причины его неожиданной отставки в 1821 г. и которые сыграли не последнюю роль в роковой публикации первого «Философического письма», не позволяют утверждать, что Чаадаев стремился любой ценой заполучить государственную должность.

³² Там же. – С. 449.

³³ Там же. – С. 99.

³⁴ Там же. – С. 96.

³⁵ На полях книги П.-С. Балланша «Человек без имени» (Париж, 1823) Чаадаев напротив слов «Завещание Людовика XVI, священный и достойный уважения акт, все значение которого на

Еще в философических письмах Чаадаев писал, что национальности до сих пор лишь разделяли людей и что им следует слиться воедино – именно в единении может человечество двигаться по пути, предначертанному Богом³⁶. Для Чаадаева с его концепцией судеб христианского человечества поступок Николая I, которому сочувствовало российское образованное общество, был очевидной нелепостью.

Сам Николай I осознавал, что варшавское выступление могло негативно сказаться на международном положении России. Французский журналист Шарль Дюран, публиковавший во франкфуртской газете «Journal de Francfort» статьи на деньги русского правительства, писал своему парижскому покровителю: «Я, кажется, писал вам, что в прошлом году цензор безжалостно вычеркнул у меня одну фразу – которая, по его словам, могла рассердить императора Николая (о том, что ему лучше было не произносить варшавскую речь), – а между тем эту фразу написал сам Николай!»³⁷. Император, по свидетельству французского поверенного в делах в Петербурге Серсе, «с трепетом» ожидал очередных номеров английских газет и был особенно внимателен к послам Англии, Австрии и Франции³⁸.

Итак, Чаадаев, несомненно, был в некоторой степени оппозиционером правительства. Не случайно в конце 1835 г. в Москве была поставлена пьеса М.Н. Загоскина «Недовольные», где в образах карикатурных персонажей публика легко угадывала фигуры П.Я. Чаадаева и его друга М.Ф. Орлова как оппозиционеров. Однако понимать оппозиционность Чаадаева как неизменную данность нельзя. Это был, прежде всего, человек с собственными, глубоко продуманными убеждениями. Именно они являлись критерием оценки всех важных происшествий в России и в мире. Чаадаев, которого еще при жизни записывали и в западники, и в славянофилы³⁹, всегда был сам по себе. Он формировал свою точку зрения, не примыкая целиком ни к одному из современных ему течений общественной мысли⁴⁰.

П.Я. Чаадаев не шел в фарватере безудержной критики правительства лишь потому, что оно было самодержавным и авторитарным. Он оценивал действия правительства с точки зрения их внутриполитической и внешнеполитической целесообразности. Чаадаев имел в виду в данном случае свои представления о судьбах России и судьбах христианского человечества в целом. Он выступал против бунтов, революций, катаклизмов, которые нарушали целостность мироздания и отодвигали человечество от цели, уготованной ему Провидением. Соответственно, в политике Николая I он поддерживал то, что соответствовало его идеалам, и безоговорочно отрицал мнения и действия, им противоречащие. Однако, принимая критику Чаадаевым правительственных установлений, необходимо иметь в виду слова, с которыми он обращался в письме к А.И. Тургеневу: «В нас есть, на мой взгляд, изумительная странность. Мы сваливаем всю вину на правительство. Правительство делает своё дело, только и всего, давайте делать своё, исправимся»⁴¹.

POLITICS OF NIKOLAY I IN 1830-1835 IN P.YA. CHAADAEV'S PERCEPTION

V.YU. DOBROVOLSKY

Russian History Institute of RAN (Russian Academy of Sciences)

The author considers P.Ya. Chaadaev's socio-political conceptions in the context of the analysis of Russia's history during the rule of Nikolay I. Special attention is given to Chaadaev's "oppositionalism" (opposition) on the issues of the role and place of Russia in the world history, and especially in the history of Europe.

Key words: P.Ya. Chaadaev, Nikolay I, Russia and Europe, Russia and Poland.

мой взгляд, до сих пор еще не осознано» написал: «Я говорю то же самое о Священном союзе» (Чаадаев П.Я. Указ. соч. Т. 1. – С. 596).

³⁶ Там же. – С. 397 – 398. (Шестое «Философическое письмо»).

³⁷ Цит. по: Мильчина В.А. Указ. соч. – С. 196.

³⁸ Там же. – С. 197.

³⁹ См., например, список славянофилов, который приводит П.А. Вяземский в «Старой записной книжке» (Вяземский П.А. Указ. соч. – С. 49).

⁴⁰ См.: Флоровский Г.В. Пути русского богословия. – Париж, 1982. – С. 246 – 249; Пыпин А.Н. Проявления скептицизма. – Чаадаев // П.Я. Чаадаев: pro et contra. – СПб., 1998. – С. 166 – 183.

⁴¹ Чаадаев П.Я. Указ. соч. – Т. 2. – С. 96.